

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ТЕКСТА

УДК 070:316.77

РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЗАПАДНЫХ СМИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (на материале английской и американской прессы)*

О.Б. Максимова

Кафедра иностранных языков
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье выявляется влияние социокультурного менталитета носителей английского языка на восприятие ими российского социально-политического и культурного контекста. Автор показывает, что национально-культурная специфика проявляется как на уровне организации и структурирования информации, так и на уровне культурологического контекста. Анализ публикаций о России в прессе США и Великобритании позволяет сделать вывод, что данные страны выступают в роли монолитного лингвокультурного социума в том, что касается конструирования образа России.

Ключевые слова: культурологический контекст, уровни культурологического контекста, национально-культурная специфика, британская и американская пресса, фоновые знания, лексические единицы с политико-оценочной коннотацией, образ России.

Для выявления национально-культурной специфики восприятия российской действительности в Великобритании и США мы провели анализ культурно-специфических элементов в новостных, информационно-аналитических и блоггерских текстах английской и американской прессы, ориентированных преимущественно на внутреннюю аудиторию, и освещающих актуальные события внутриполитической жизни и внешнеполитической деятельности РФ (1). При отборе текстов для анализа мы использовали сайты ведущих британских и американских изданий из сегмента «качественной прессы», осуществляя поиск статей по ключевым словам (или меткам-тэгам, если речь шла о блогах журналистов и политических комментаторов на сайтах данных изданий): “*Russia*”, “*Russian*”, “*the Russians*”.

---

* Рец.: доц. М.С. Каменева (Сектор Ирана Института востоковедения РАН), доц. Е.А. Паймакова (РУДН).

В чем же проявляется национально-культурная специфика в англоязычном дискурсе о России?

Во-первых, национально-культурная специфика мировосприятия проявляется в медиатекстах уже в организации и структурировании информации, то есть в распределении статей по тематическим блокам (например, «события в стране» и «зарубежные новости»), расположении материала, выборе заголовков и т.п. Здесь следует отметить высокую степень этноцентризма англоязычных (особенно американских) СМИ. Вряд ли какое-либо событие, произошедшее за рубежами США или Великобритании, в частности, в России, имеет шанс попасть на первую полосу газет, если только оно не затрагивает напрямую интересы этих стран.

Соответственно, в большинстве рассмотренных нами медиатекстов (особенно информационно-аналитических и блоггерских) информация о России появляется либо в связи с событиями политической жизни США и Великобритании, либо как оценка внешнеполитической деятельности России с точки зрения интересов вышеупомянутых стран.

В целом можно заметить, что освещение российских социально-политических реалий, преломляясь сквозь призму национально-культурных стереотипов англоязычной аудитории, приобретает отчетливые негативные коннотации. В создании такого негативного ореола особую роль играют броские, выразительные заголовки, привлекающие внимание целевой аудитории и заранее «ориентирующие» ее в нужном для автора направлении. Приведем наиболее красноречивые примеры:

“Barack Obama is Proving an Embarrassing Amateur in Confronting the Russian Bear”, “Good for Mitt Romney, Telling the Truth about Putin’s Russian Tyranny”, “At Last, the British Parliament Demands Action against Corrupt and Murderous Russian Officials”, “Putin’s Cold War Politics Will Fail Russia”.

Во-вторых, большое значение для выявления в текстах СМИ особенностей культуры, традиций и мировоззренческих установок определенного лингвокультурного социума имеет культурологический контекст, то есть «структурированная по уровням совокупность всех содержащихся в тексте культурозначимых сведений» [2. С. 226]. Единицами культурологического контекста являются слова и словосочетания, маркированные в плане культуроспецифичности, непосредственно связанные с реалиями и фактами из жизни языкового коллектива (в нашем случае — англоязычного). Основным параметром категории культуроспецифичности выступают фоновые знания — «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой общения» [1. С. 478].

Нетрудно заметить, что в текстах, тематически связанных с иным по отношению к автору и читателям лингвокультурным социумом (в данном случае — российским), культурологический контекст играет двоякую роль.

С одной стороны, употребление культуроспецифичных единиц, хорошо знакомых англоязычному читателю, встраивает информацию о России в английский культурологический контекст и тем самым способствует осмыслению и интерпретации явлений российской действительности.

С другой стороны, помимо обозначающей функции подобные лексические единицы способствуют усилению экспрессии и эмоциональности, выражают авторскую оценку, реализуя тем самым функцию воздействия.

Именно поэтому, а также в силу отмеченного выше этноцентризма, в англоязычных публикациях о России культуроспецифичные единицы представлены чрезвычайно широко (особенно в информационно-аналитических и блоггерских текстах). Рассмотрим их подробнее, исходя из характера и степени вовлеченности в культурологический контекст. При этом, вслед за Т.Г. Добросклонской, мы будем выделять четыре уровня в структуре культурологического контекста, а именно: денотативный, коннотативный, ассоциативный и метафорический уровни, образованные, соответственно: лексическими единицами, обозначающие реалии и артефакты; словами и словосочетаниями с культуроспецифичными коннотациями; лексическими единицами с устойчивыми ассоциативными связями; культуроразличимыми фрагментами текстов национальной культуры [2. С. 234].

Единицы денотативного уровня представлены преимущественно именами собственными. Так, в эту группу включаются имена известных политиков (*Winston Churchill, Barack Obama, Hillary Clinton*), наименования политических партий и движений (*the Tories, the Occupy movement*), исторических памятников (*St. Paul's Cathedral*), известных мест (*Harrods, Tiffany*), реалии социально-политической жизни (*Downing Street, Fleet Street*).

Кроме того, сюда входят культуроспецифичные единицы (*bendy-bus*).

Единицы денотативного уровня нередко подвергаются компрессии (*MP, NHS, QC*). Употребление единиц денотативного уровня может быть обусловлено реализацией информационной функции СМИ (например, упоминание имен действующих британских политиков в текстах, посвященных отношениям России и Великобритании). В других случаях данные единицы отражают специфику национального менталитета. Так, для американских СМИ характерно свободное обращение с именами собственными, что находит свое отражение в употреблении в медиатекстах прозвищ политических деятелей (например, прозвище "*the Gipper*" надолго закрепилось за президентом Р. Рейганом благодаря сыгранной им роли в биографическом фильме).

Наконец, довольно часто, особенно в блоггерской коммуникации, культуроспецифичные единицы употребляются в целях осуществления воображаемого переноса российских событий на лингвосоциокультурную почву реципиентов сообщения. В качестве примера приведем фрагмент из записи в политическом блоге журналиста Брендана О'Нила на сайте консервативной британской газеты "*The Daily Telegraph*" под заголовком: "*What Orthodoxies Would a UK Pussy Riot Bravely Mock? It Could Start with the NHS*", где автор выстраивает иронические параллели между реалиями социально-политической жизни России и Великобритании:

"And it wouldn't do for a UK Pussy Riot publicly to demand that David Cameron be ousted. There would be nothing radical in that either. Even sections of the Tory Party suggest it. But there are still some orthodoxies that a UK Pussy Riot might colourfully thrash. For example, it could storm into a major hospital and show a metaphorical bum to the NHS."

Заметную роль в англоязычных публикациях о России играют лексические единицы коннотативного уровня культурологического контекста, используемые для выражения авторского мнения и оценки. К ним относятся, прежде всего, элементы общественно-политической лексики (преимущественно из области политической терминологии), обозначающие универсальные понятия, имеющие разные политико-оценочные коннотации в различных культурах и отражающие специфику национального мировоззрения.

Подобная лексика, относящаяся к «идеологической войне терминов», маркирована с точки зрения идеологической модальности и позволяет авторам текстов по-своему расставлять политические и идеологические ориентиры. Например, при освещении событий в Сирии и позиции России по данному вопросу англоязычная пресса использует политически позитивную лексику для обозначения сирийской оппозиции и ее деятельности (*the opposition forces, revolutionaries, uprising*). Слова же с негативной коннотацией используются при критике правящего сирийского режима (*Assad's regime, Assad's clan*) а также позиции российских журналистов, трактующих ситуацию с иной точки зрения. Примером дискуссии по поводу «односторонности» освещения сирийского конфликта СМИ может послужить отрывок записи из блога журналиста Дэвида Блэра, размещенного на сайте газеты *"The Daily Telegraph"* под заголовком: *"Rebels or Revolutionaries? The Russian Media's Coverage of Syria's Uprising is a Distorted Reflection of Our Own"*:

*"While the Western media refers to **"opposition forces"** and sometimes **"revolutionaries"** fighting Bashar-al-Assad's **regime**, the Russian media persistently uses the term **"povstansy"**. This has a negative connotation and refers to armed groups trying to overthrow a lawful government."*

Приведем также фрагмент комментария к данной записи:

*"Both words **'rebel'** and **'revolutionary'** in fact have positive connotations in English, and both are used in the western media to describe the opposition in Syria. The word generally used by Russian media, **'povstansy'**, equates more or less to the English word **'insurgents'**."*

К слову, несмотря на то, что тезис авторов приведенных фрагментов понятен, по сути здесь демонстрируется недостаточно глубокое знание русского словоупотребления: слово «повстанцы» на самом деле скорее имеет скорее позитивный, чем негативный оттенок значения, на что справедливо указывает автор приведенного ниже комментария:

*"Unlike primitive black-and-white descriptions of the Syrian war in the Western media, the Russian media recognise the complexity of the protest movement. The Russians use a range of terms to describe the government opposition in Syria: **opposition** (most common), **armed opposition**, **opposition army/militants**, **regime opponents**, **rebels**, **insurgents**, **local armed defence groups**, **international terrorist organisations**, **ordinary jihadists**, **radical islamists**, **islamic extremists**, **Syrian jihad**, **people's revolution**, etc. The term «повстанцы» (**rebels, insurgents**) does not have any negative connotation in the Russian language, it is neutral."*

Возможно, подобная неточность свидетельствует не столько о трудностях перевода, сколько о силе стереотипов относительно России и российской прессы, состоящих в том, что российские СМИ не могут выражать разнообразные точки зрения (в том числе противоречащие официальной позиции).

Помимо лексических единиц с политико-оценочной коннотацией, в проанализированных нами медиатекстах было выявлено несколько единиц денотативного уровня, употребляемых авторами в коннотативном значении, которые мы, вслед за Т.Г. Добросклонской [2. С. 229—230], также относим к культурнообусловленным элементам коннотативного уровня. Здесь имеются в виду лексические соединения или сложные слова нестойкого типа, придающие освещаемым событиям дополнительную эмоционально-экспрессивную характеристику, максимально понятную и «удобоваримую» для целевой аудитории. Приведем примеры: «*rollercoaster ride in relations*» (об отношениях России и США), «*a contention of double-decker proportions*» (о резонансной дискуссии по поводу размещения портретов И.В. Сталина на автобусах).

Следующий — ассоциативный — уровень культурологического контекста особенно важен для анализа национальных стереотипов восприятия российской культуры в англоязычных медиатекстах. Ассоциативный уровень может задействовать реалии иных культур, наряду с той, носителем которой является автор текста [3. С. 187]. Составляющие его элементы — лексические единицы и фразеологизмы с устойчивыми ассоциативными связями, ассоциирующиеся в сознании носителей культуры с определенным стилем и образом — используются в информационно-аналитических и блоггерских медиатекстах, посвященных России, для выражения оценки, сравнения или описания.

Культуроспецифичные единицы ассоциативного уровня часто используются для «расшифровки» российских имен собственных, не слишком хорошо знакомых массовому зарубежному читателю, например:

*“Mikhail Lomonosov, who is regarded as a Russian **Leonardo da Vinci**”; “Moscow State University serves the function of **Harvard, Oxford and the Massachusetts Institute of Technology** all rolled into one”; “the Investigative Committee is Russia’s version of **the FBI**”.*

Кроме того, они используются для создания наглядного экспрессивного и зачастую ироничного образа с оценочными коннотациями, выражающего позицию автора. В следующем примере американский писатель и журналист Ральф Питерс в статье “*Putin Wins Again. Rebuilding Imperial Russia*” выражает свои сомнения по поводу поддержки Россией санкций против Ирана, выстраивая своеобразную ассоциативную цепочку:

*“On Iran, Putin’s a savvy old tomcat toying with the Obama mouse. While Moscow’s overt, covert and clandestine trade with Tehran continues, Putin does his good-cop/bad-cop routine with President Dmitry Medvedev, keeping hope alive in the White House that, this time, Russia will finally back meaningful sanctions. **Sarah Palin** will sign on with **Code Pink first**.”*

(The New York Post)

Совершенно очевидно, что для адекватного понимания смысла вышеприведенного сравнения читателю необходимо обладать определенными фоновыми знаниями, в частности, иметь представление о взглядах экс-кандидата в вице-президенты США от Республиканской партии Сары Пейлин, посоветовавшей президенту Бараку Обаме объявить войну Ирану, а также о политической платформе женского антивоенного движения “Code Pink”, организующего протесты против войны в Иране.

Что касается четвертого, метафорического уровня культурологического контекста, то он оказывается активно задействован в аналитических и блоггерских (в меньшей степени — в новостных) текстах. Его элементами могут быть цитаты из известных литературных произведений и текстов массовой культуры, афоризмы, пословицы и поговорки, парафразы известных высказываний, аллюзии и т.п.

В отличие от элементов ассоциативного уровня, здесь для адекватного понимания недостаточно обладать фоновыми знаниями: помимо представления о том или ином событии или явлении, читатель должен обладать глубинным пониманием смысла текстов, ставших достоянием национальной культуры. Именно этот факт, по нашему мнению, обуславливает высокую культурозначимость и культурообусловленность образных средств метафорического уровня.

Приведем некоторые характерные примеры. В приводимом ниже отрывке акция феминистской панк-рок группы «Пусси Райот» приравнивается автором к Октябрьской Революции благодаря удачному парафразу заглавия книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»:

“The group’s incendiary performance of a “punk prayer” against him inside Moscow’s Christ the Saviour cathedral has become one of those moments that crystallise a society’s discontents. They were 51 seconds that rocked Russia.”

(The Times)

В следующем примере речь идет о нашумевшем судебном процессе между олигархами Борисом Березовским и Романом Абрамовичем. Обыгрывая заглавие известного романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах», автор выражает свое отношение к стремлению России войти в круг цивилизованных западных государств:

“But the case is a uniquely Russian one — a tale of greed, political manipulation and deceit in the murky years of Boris Yeltsin’s presidency. Abramovich’s QC Jonathan Sumption compared 1990s Russia to ‘medieval England’.”

(The Guardian)

В упоминавшейся нами выше статье “Putin Wins Again. Rebuilding Imperial Russia” удачный парафраз заглавия популярного романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия» выражает иронию автора по поводу Вашингтонского саммита по ядерной безопасности, на котором была зафиксирована рекордная для США представленность глав зарубежных государств:

“At this week’s Nuclear Vanity Summit (which accomplished nothing) Obama snubbed Georgia’s president, Mikhail Saakashvili.”

(The New York Post)

В приводимом ниже отрывке из блога на сайте британской газеты “*The Daily Telegraph*” дается, в рамках критики политики России в отношении Сирии, характеристика сирийского национального лидера, в которой используются ставшие нарицательными образы слабовольного Фредо Корлеоне из могущественного мафиозного клана и простодушного недотепы Форреста Гампа:

“When Russia sounds more conciliatory to the Western position, it is to buy more time for Damascus. If Putin has one lament, it is only that Bassel al-Assad, Bashar’s smarter older brother, died in a car crash in 1994. Thus was a perfectly good client state entrusted to a combination of Fredo Corleone and Forrest Gump.”

Наконец, в статье, посвященной итогам парламентских выборов в России, в метафорический контекст включаются персонажи популярного комикса:

*“The election was about him: Putin wanted the country to acclaim his place as the country’s paramount leader, just before it agrees to elect him for what could be another 12 years of power. **Having forced a ritual humiliation on Robin** (to use the cruel metaphor of the US embassy cables) by getting him to stand up in front of the party congress and propose his rival’s nomination for the presidency, **Batman needed to fly.**”*

(The Guardian)

Наконец, хотелось бы обратить внимание на еще одну особенность англоязычных медиатекстов, посвященных России. Дело в том, что материалы англоязычной прессы, освещающие российскую действительность (особенно тексты иностранных корреспондентов, работающих в русском лингвокультурном окружении), в силу своей тематической направленности непосредственно соотносятся с текущими событиями социально-политической жизни России, и поэтому насыщены лексическими единицами, передающими (по мнению авторов) специфику современной российской культуры, ее национальный колорит. Приведем характерные примеры:

*the novelty **matryoshka** dolls; the dozy, ungrateful, **narod**; the party’s **babushkas** swoon; the modern equivalent of the **yurodivy** — the creative **intelligentsia**.*

Представляется очевидным, что подобные «вкрапления» элементов русской лексики в материалы иностранных корреспондентов на английском языке выполняют не только обозначающую, но и эмоционально-экспрессивную функцию, содержат оценочные компоненты, раскрывающие отношение к русской культуре, реалиям российской социально-политической действительности, стереотипное восприятие России, сложившееся на Западе.

Таким образом, данные тексты представляют дополнительный интерес еще и по той причине, что в них можно выявить влияние социокультурного менталитета носителей английского языка на восприятие российского культурного контекста.

Ориентируясь на перспективу возможного решения этой задачи, мы попытались систематизировать русскую лексику, употребляемую в англоязычном дискурсе о России (на материале прессы Великобритании и США), и в результате выделили следующие типы лексических единиц.

1. Русские слова, ставшие интернационализмами (*czar, patriarch, Bolshevik, intelligentsia, vodka*).

2. Единицы онимической лексики, часто встречающиеся в международных новостях о России, понимание которых не вызывает особых затруднений для зарубежного читателя (*the Kremlin, the Duma, Putin*).

3. Лексика, обозначающая понятия и предметы, присутствующие как в англо-американской, так и в русской культурах, но отличающиеся в коннотативном контексте (*narod, babushka, Moroz*), что и подчеркивается включением данных единиц в текст без перевода. Тем самым предполагается, что англоязычный читатель достаточно адекватно улавливает отличия значений этих русских слов от их английских соответствий, хотя данное предположение спорно.

4. Безэквивалентная лексика, обозначающая реалии российской жизни, не имеющие аналогов в англоязычной культурной традиции и используемая авторами для передачи «национального колорита» (*yurodivy, krysha, matryoshka, carousel voting*). Обычно подобные лексические единицы сопровождаются разъяснениями, данными непосредственно в тексте статьи, например:

yurodivy, a holy fool licensed to speak truth to power; carousel voting is voting where voters are bused to multiple polling stations to vote again and again; the word krysha — literally, means “roof” in Russian but carries a kaleidoscope of other associations: an arrangement; lobbying; political services; icebreaking; protection from murder by Chechen terrorists and bandits; fixing; and a long-term relationship with more or less regular payments.

Отдельно можно выделить обширный пласт лексических единиц, обозначающих реалии советской эпохи и постсоветского периода (*zek, gulag, KGB, siloviki, apparatchiki*). Данные единицы являются, как правило, элементами двух- или трехкомпонентных словосочетаний, содержащих политико-оценочные коннотации, способствующие своеобразной мифологизации СССР и постсоветской России, и зачастую сопровождаются идеологически обусловленной интерпретацией, например:

the heavy KGB hand, a truculent but banal KGB view of the world, the mouldy bun of the Soviet history, looming Stalinist headquarters, Yeltsin’s drunken days.

5. Антропонимы и топонимы, встречающиеся в новостных текстах, рассказывающих о конкретных событиях и людях современной российской действительности. За редким исключением данные единицы практически неизвестны массовому зарубежному читателю и нуждаются в расшифровке. Например:

Mr. Navalny, an anticorruption crusader, Kseniya Sobchak, a glamour girl and television hostess; Boris Berezovsky, the former Kremlin insider turned political exile who is now Moscow’s biggest headache; Mr. Surkov, the former Kremlin “grey cardinal”.

Отметим, что подобная «интерпретация» зачастую связана со стереотипами восприятия России на Западе и имеет негативную коннотацию:

Chukotka, a frozen province in Russia’s remote Far East; Ramzan Kadyrov, a satrap who knows which side his black bread is buttered on; the thuggish leader of Chechnya, who is known for collecting luxury cars; the rampantly nationalist pro-Kremlin youth group Nashi; Mr. Churov, who is detested by liberals for his alleged role in election fraud.

Разъяснения осуществляется зачастую с помощью английских культуроспецифичных единиц, например:

Ilya Ponomarev, an MP and protest coordinator; Roman Abramovich, the billionaire owner of Chelsea FC; Pussy Riot; an anti-Putin female punk rock group.

Как легко заметить, присутствует некий идеологически обусловленный отбор единиц, которые попадают в англоязычную прессу без перевода. Эта обусловленность легче всего просматривается в употреблении безэквивалентной лексики (как на уровне выбора слов, так и в комментариях/интерпретациях или их отсутствии), но присутствует и в других выделенных нами группах, хотя и не столь явно. В частности, можно отметить употребление без перевода слова *narod* (из третьей группы), подразумевающее и подчеркивающее коннотативное отличие данного понятия от соответствующего английского *people*.

Таким образом, в сознании западного читателя конструируется колоритный стереотипный образ России — замерзшей (*frozen*) страны, где нет дорог, а есть только направления (*Russia has no roads, only directions*), страны гламурных блондинок (*blonde Russian women*) и бандитов из «лихих девяностых» (*the murky 90s*), сверхбогатых олигархов (*Russia's mega-rich, superwealthy elite*), коррумпированных злодеев-чиновников (*corrupt and murderous officials*) и волокитчиков-бюрократов (*predatory bureaucrats, Soviet era bureaucratic baggage*), всемогущих силовиков (*KGB cronies*) и кровавых сатрапов (*thuggish satraps*), над которыми нависает тяжелая длань Кремля (*the heavy hand of the Kremlin*), — с одной стороны, и, с другой стороны, — сонного, ленивого, неотесанного народа (*the dozy, ungrateful narod*), ведущего себя грубо по западным меркам (*in a quintessentially Russian passive/aggressive tone*), потребляющего дешевую русскую водку (*the country's dirt cheap vodka*) и уважающего только силу и смелость (*the Russians respect only boldness and strength*).

В заключение хотелось бы отметить практическое отсутствие значимых лингвокультурных различий между текстами британской и американской прессы в том, что можно назвать «стереотипным изображением российского общества»: по крайней мере, некий целостный образ России, конструируемый западной англоязычной прессой, просматривается достаточно отчетливо.

Другими словами, как США, так и Великобритания выступают по отношению к России в роли монолитного лингвокультурного социума — англоязычного «Запада».

Тем не менее, освещение российских реалий в данном лингвокультурном социуме не является односторонним: естественно, пресса отражает различные позиции, взгляды и отношения, но эти различия относятся скорее не к странам, а к типам медиатекстов, к политическим платформам изданий и т.д.

Таким образом, для нашего исследования оказалось необходимо различать новостные, информационно-аналитические и публицистические тексты, тогда как английские и американские материалы допустимо рассматривать совместно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Электронные адреса сайтов изданий, использованных в исследовании:
The Times: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news>;
The Guardian: <http://www.guardian.co.uk>;
The Daily Telegraph: <http://www.telegraph.co.uk>;
The Independent: <http://www.independent.co.uk>;
The New York Times: <http://global.nytimes.com>;
The New York Post: <http://www.nypost.com>.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
[2] *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). — М.: Флинта: Наука, 2008.
[3] *Соломина А.В.* Средства выражения категории культуроспецифичности в аналитических медиатекстах США и Германии // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. — 2010 (июль) — № 120. — С. 184—189.

RUSSIA'S PORTRAYAL IN THE WESTERN MEDIA: CULTUROLOGICAL CONTEXT (Based on British and American Newspaper Material)

О.В. Maximova

The Department of Foreign Languages
Faculty of Social Sciences and Humanities
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article highlights the influence of sociocultural mentality of English speakers on their perception of Russian socio-political and cultural environment. The author demonstrates that national-cultural specificity can be evident both at the level of organizing and structuring information and at the level of culturological context. The author analyzes the newspaper coverage of Russia in Great Britain and the USA and then comes to the conclusion that both countries can be viewed as one integral linguocultural socium when it comes to Russia's portrayal.

Key words: culturological context, the levels of culturological context, national and cultural specificity, British and American press, background knowledge, units of politically biased lexicon, the image of Russia.